

0

4

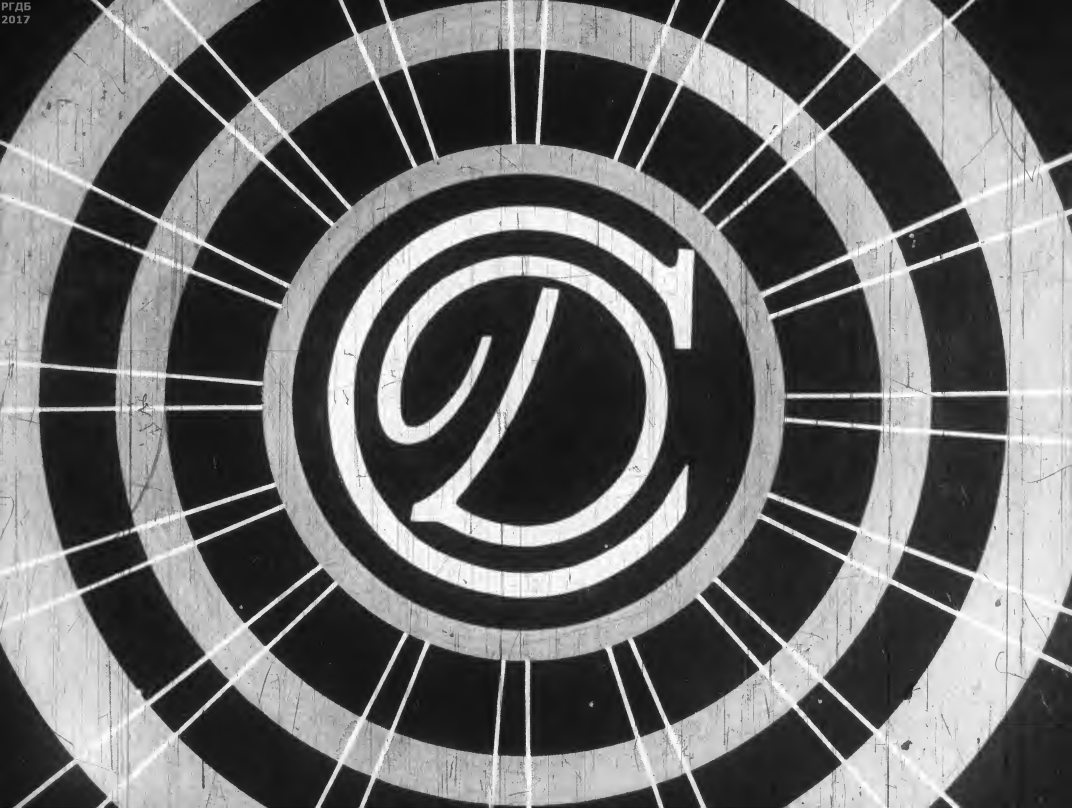
8

1

1965 г.

4

3

ТИЦИАН

Творчество Тициана, как и Леонардо, Джорджоне, Рафаэля, Микельанджело, знаменует собой вершину искусства Высокого Возрождения в Италии. Оно исполнено могучей жизнеутверждающей энергии, глубокой, мудрой человечности.

„Автопортрет“,
около 1565–1568 гг.

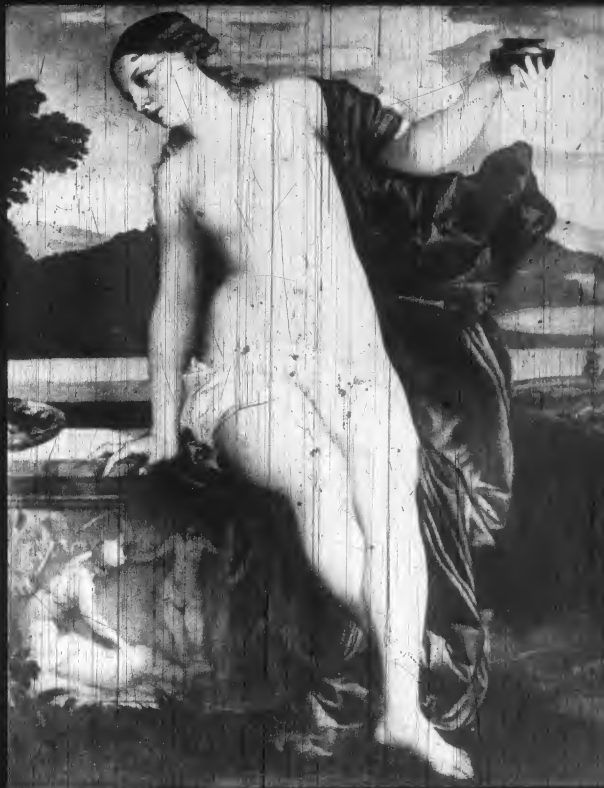
Тициан родился в городке Пьеве ди Кадоре около 1487–1488 гг. Девятилетним мальчиком он был отправлен в Венецию учиться живописи. „Царица Адриатики“ переживала тогда эпоху расцвета.

Идеалы ренессансного гуманизма, свободолюбия и вольномыслия находили здесь благодатную почву. Тициан воспринял их еще в мастерской своего учителя Джованни Беллини. Особое влияние на художника оказал его старший современник и друг – Джорджоне.

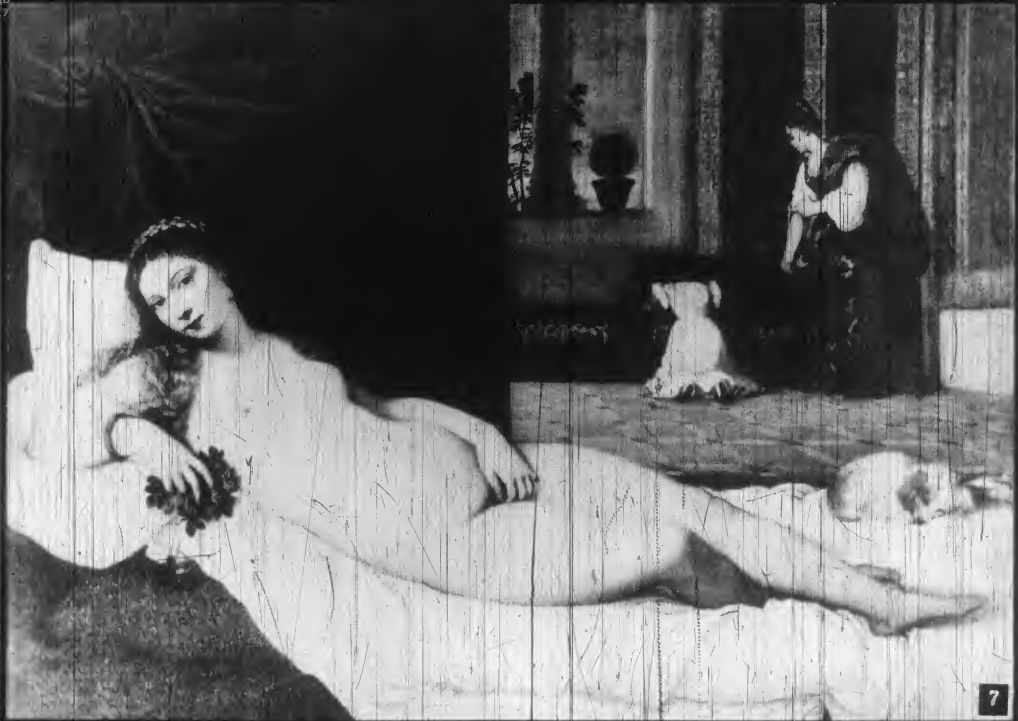
Работая с Джорджоне, Тициан проникается верой в неоспоримое право человека на счастье, чувством великой гармонии мироздания. Любимая Джорджоне тема поэтического единства прекрасного человека и прекрасной природы воплощается в одной из ранних картин Тициана, известной под названием „Небесная и земная любовь“ (ок. 1512–1515 гг.).

Но Тициан утверждает эту тему гораздо темпераментнее и энергичнее. Тихий утренний пейзаж лишь подготавливает триумфальное явление полнокровной, чувственной и яркой человеческой красоты.

Тициан — жизнелюбец. И его, естественно, привлекал жизнелюбивый дух античной мифологии. Античные богини вновь оживают в его произведениях, принимая облик золотоволосых венецианских красавиц. Такова „Флора“ (ок. 1515 г.).

Такова и прославленная „Венера Урбинская“ (1536--1538).

Богиня любви будто сошла на землю во всем блеске своей красоты и превратилась в юную венецианку.

Мифологические картины раннего Тициана славят счастье и радость. Их краски чисты и звучны, как синева летнего неба, как золото полуденного солнца. Они и сами, кажется, излучают сияние — то ясное и спокойное, то почти жгучее. И всегда эта радость зарательна.

Опьяняющее веселье вакхического праздника будто передается зрителю.

„Вакханалия“, ок. 1518 г.

Стремительный порыв Вакха потрясает силой внезапного любовного озарения.

„Вакх и Ариадна“, ок. 1523 г.

Кисть художника преобразует и традиционные сюжеты. „Мадонна с младенцем и святыми“ (ок. 1512 г.) утверждает то же величие земной жизни, что и мифологические композиции.

Загорелые фигуры святых напоминают рыбаков Адриатического моря, а Магдалина пленяет такой же земной красотой, как запечатленные Тицианом античные богини.

Деталь.

Сцену чудесного вознесения богоматери на небо Тициан превращает в подлинный гимн беспредельного могущества человека.

„Ассуанта“, 1518 г.

Величественна фигура Марии. Мощным аккордом звучат насыщенные алые и синие краски ее одеяния. Ее руки раскинуты, все ее существо устремлено ввысь.

Желание это столь велико, что чудо вознесения становится объяснимым и естественным. Ведь оно — воплощение человеческой мечты, результат искреннего и властного стремления человеческого духа, способного преодолеть любые преграды.

Тициан признавал, что в жизни есть не только радость. В светлый мир его ранних произведений подчас вторгались и чуждые ему злобные и коварные силы. Но в те времена, в эпоху расцвета Возрождения, они всегда оказывались посрамленными, вынужденными отступить перед лицом морального величия и физического совершенства героев художника.

Так, в знаменитом „Динарии кесаря“ (ок. 1515 г.) Фарисей, пытающийся спровоцировать Христа, будто с трудом втискивается в пространство картины, в котором Христос царит почти безраздельно.

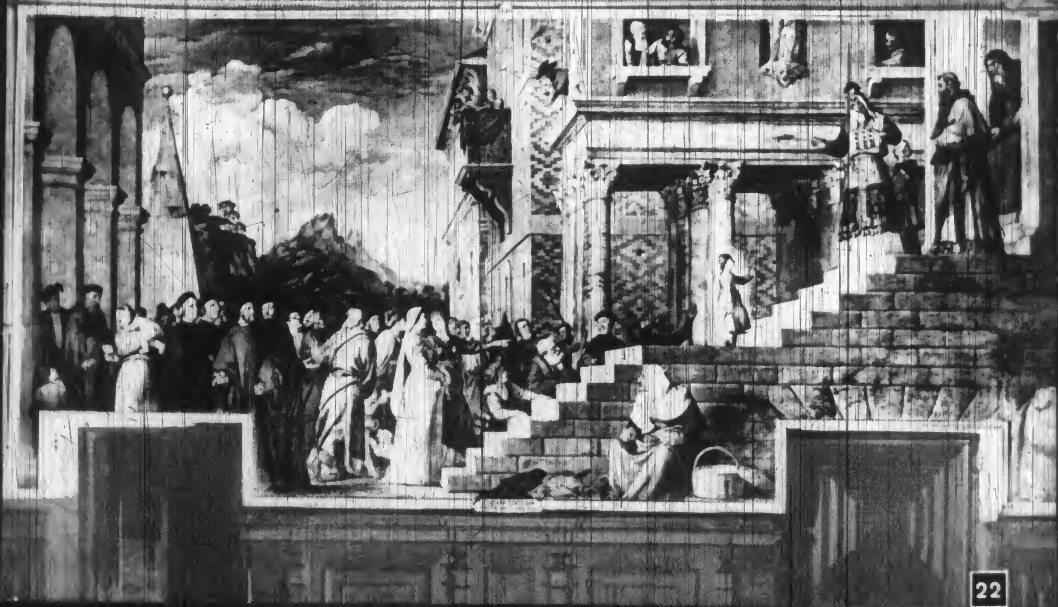

Узловатая цепкая рука Фарисея предательски подсовывает Христу монету. Но тщетно. Тонкие пальцы Христа лишь указывают на нее, но даже не удостоивают прикосновения.

В спокойном взоре Христа, будто проникающем в самые сокровенные замыслы противника, — легкий оттенок презрительной жалости к его напрасным ухищрениям.

В 20-х гг. XVI века творчество Тициана вступает в пору полной зрелости. В это время он — признанный глава венецианской школы живописи. С поразительной непринужденностью сближает он в своих произведениях возвышенное и повседневное, нередко делая своих современников свидетелями и участниками евангельских событий и религиозных сцен.

Так поступает он, создавая картину „Введение Марии во храм“ (1534–1538 гг.), и поныне украшающую один из залов Венецианской академии.

Окруженная таинственным
ореолом, поднимается по
ступеням девочка — Мария.

Деталь.

А рядом — пестрая толпа венецианцев: патрициев, купцов, женщин, простолюдинов...

Деталь.

...вплоть до старухи-торгов-
ки, примостившейся у под-
ножия лестницы храма.

Точно так же поступает Ти-
циан и в картине „Мадонна
Пезаро“ (1526 г.), где члены
знатной венецианской семьи
помещены в непосредствен-
ной близости от богородицы
и рядом со своими святыми
покровителями.

Превосходные портретные изображения современников вводятся в пышную религиозную композицию.

„Мадонна Пезаро“. Деталь.

Портрет играл весьма важную роль в живописи Тициана. В ранних портретах художник чаще всего подчеркивал в своих моделях горделивое чувство собственного достоинства и сдержанную энергию.

„Юноша с перчаткой“,
ок. 1523 г.

В других — отчетливее выступает спокойное доверие к окружающему, ясность внутреннего мира.

„Портрет Томмазо Мости“,
1526 г.

Каким-то особенным умиротворяющим духом проникнут портрет неизвестной, вошедший в историю искусств под именем „Красавица“ (1536–1537 гг.).

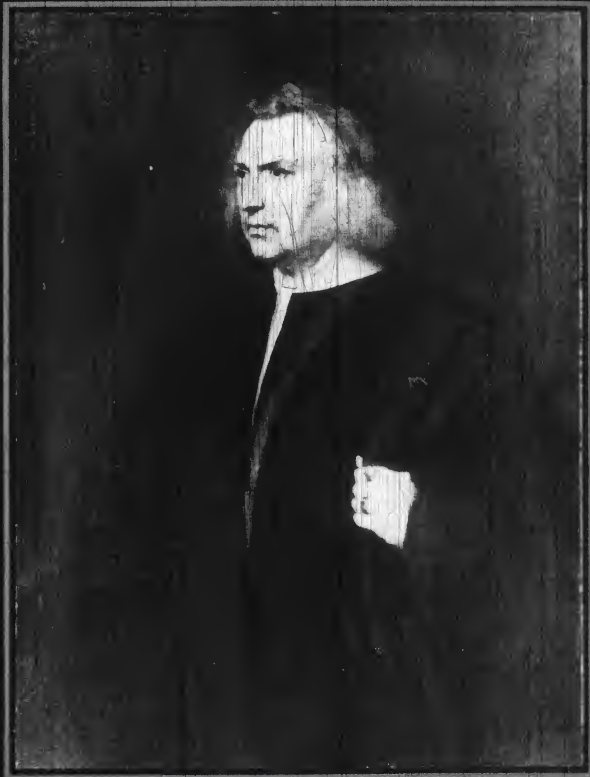

Возможно, что именно эта молодая женщина, написанная такой осторожной, словно ласковой кистью, послужила моделью для „Венеры Урбинской“.

В 40-х гг. в портретах, созданных Тицианом, впервые появляются новые, нередко вовсе не радостные настроения. Прежняя вера в нерушимость человеческого счастья постепенно оставляет художника.

„Портрет доктора Парма“.

В это время почти вся Италия стала жертвой иноземных нашествий и феодально-католической реакции, уничтожавшей ренессансную культуру. Вдохновители реакции – папа Павел III и император Карл V несколько раз позировали Тициану.

„Портрет папы Павла III“,
1543 г.

Создавая торжественные, парадные портреты, художник не собирался льстить своим моделям. Произведения Тициана доносят до нас их неприкрашенный облик.

„Карл V в утро битвы при Мюльберге“, 1548 г.

Деталь.

Зловещая фигура закованного в сталь доспехов воина, выезжающего из леса на вороном коне, заслоняет тихий цветущий пейзаж.

„Карл V в утро битвы при Мюльберге“.

На другом портрете Карл V изображен желчным стариком, замкнувшимся в высокомерном одиночестве (1548 г.).

Но особенно примечателен „Портрет папы Павла III с внуками — Алессандро и Оттавиано Фарнезе“ (1545–1546). Римский первосвященник — воплощение злобной цепкости, фанатичной энергии, коварства и недоверия.

Льстиво склоняющийся перед ним Оттавиано — расчетливый, холодный и бесчестный интриган, подобный шекспировскому Яго.

Деталь.

Лишь Венеция оставалась еще оплотом итальянской свободы и ренессансного гуманизма. Эту идею героической стойкости родной республики Тициан воплотил в великолепном „Портрете дожа Андреа Гритти“ (ок. 1540 г.).

Возрождение должно защищать себя. И в портрете своего друга Петро Аретино (1545), прозванного „бичом монархов“, Тициан придает облику ренессансного гуманиста вызывающий, почти воинственный характер.

Печатью мужественной стойкости отмечен „Портрет Ипполито Риминальди“ (конец 1540-х гг.).

Однако в лице этого человека, которого не раз сравнивали с Гамлетом, запечатлелась и горечь раздумий.

И будто полемизируя со своей мрачнейшей эпохой, подавляя в самом себе тревогу и неуверенность в прочности идеалов Возрождения, Тициан во многих произведениях 50-х годов демонстративно усиливает атмосферу праздничного ликования. Он не хочет уступать эпохе свое жизнелюбие, которое теперь становится чем-то вроде дерзкого вызова окружающему миру.

Каким торжественным и искристым гимном радости становится, например, портрет дочери художника Лавинии (ок. 1555 г.). Картина насыщена золотистыми красками всевозможных оттенков. Они то растворяются в воздухе, то сгущаются, образуя подобные самородкам плоды в массивном блюде, мерцающие нити волос девушки и тяжелые золотые потоки ее платья.

Как величава зрелая красота Венеры в знаменитой картине „Венера перед зеркалом“ (1550-е гг.).

Чистое и нежное сияние
жемчуга меркнет перед
сиянием, исходящим от
лица богини.

Деталь.

Жажда наслаждения становится все более напряженной. И теперь все чаще красоте сопутствует отталкивающее, жадное или жестокое уродство.

„Даная“, 1554 г.

48

Как и прежде, Тициан вдохновляется античными мифами. Но в них он впервые избирает драматические ситуации. Обратившийся быком Зевс похищает Европу.

„Похищение Европы“, 1560-е гг.

Диана с гневом отвергает мольбы нимфы Каллисто, соблазненной Юпитером.

„Диана и Каллисто“, 1559 г.

50

Все тревожнее становятся картины Тициана. И вместе с тем все беспокойнее движется его кисть, все стремительнее ритм его композиций, все напряженнее и глуше его краски.

„Диана и Актеон“, 1559 г.

В поздних картинах Тициана дневной свет уступает место вечернему сумраку или ночной тьме. А прекрасный, созданный для счастья человек обречен скорбеть о невозможности счастья...

„Кающаяся Магдалина“,
1565–1566 гг.

...или же быть жертвой торжествующего в мире зла. В зловещем свете чадающих светильников палачи набрасываются на Христа.

„Увенчание тернием“,
ок. 1570 г.

**Фигуру Святого Себастьяна
(ок. 1570 г.) окружает клубя-
щийся мрак, будто из недр
своих порождающий стре-
лы, которые вонзаются в
атлетическое тело юноши.**

Картина „Святой Себастьян“ — своего рода символ трагической гибели эпохи Возрождения, чьим сыном был Тициан. Но старый мастер столь же далек от покорности судьбе, как и его страдающий и гневный герой.

И лишь в последней своей картине, в „Оплакивании Христа“ (1576 г.), Тициан позволил чувству трагической безысходности полностью овладеть собой.

Тициан умер 27 августа 1576 года. Вместе с ним закончилась и эпоха Возрождения — один из высших взлетов в художественной культуре человечества. Но искусству будущего всегда будет светить сияющий и могучий гений Тициана.

„Автопортрет“. Деталь.

Конец

Автор В. Н. Прокофьев

Художник-оформитель Ю. Н. Зеленков

Редактор М. Л. Минц

Д-265-63

Б05507

Студия „Диафильм“, 1963 г.

Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Черно-белый 0-20